

DOI 10.15393/j9.art.2018.4942

УДК 821.161.1.09“17”

Ольга Владимировна Захарова*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

ovzakh05@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ЖАНРА**«ПОВЕСТИ О СЛАВНОМ КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ
КИЕВСКОМ СОЛНУШКЕ ВСЕСЛАВЬЕВИЧЕ
И О СИЛЬНОМ ЕГО МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ
ДОБРЫНЕ НИКИТИЧЕ» В. А. ЛЕВШИНА***

Аннотация. В статье анализируется жанровая структура повести В. А. Левшина (1746–1826) о славном князе Владимире и былинном герое Добрыне Никитиче. Писатель создал произведение со сложной литературной композицией, в котором смешиваются традиции разных фольклорных и литературных жанров: былины, сказки, волшебного-рыцарского романа и богатырской повести. Левшин обнаруживает высокую степень понимания и интерпретации былинной традиции. Он сохраняет в литературном повествовании поэтику, формульность и топику фольклорного жанра. В его повести действуют богатыри, события следуют логике былинного сюжета — былина становится жанровой доминантой повести. Как и былинный герой, Добрыня Левшина совершает свои богатырские подвиги: освобождает от чар заколдованное царство, объединяет народы, сражается с исполинами и полканами, побеждает Тугарина Змеевича. Левшин показал себя опытным собирателем и публикатором, который бережно относился к былинному тексту. Основной формой презентации фольклорной былины становится цитирование, которое оформляется кавычками. Цитируя и следуя былинной поэтике, Левшин развил в литературном произведении творческий потенциал фольклорного жанра. Это имело свои последствия: богатырские повести из «Русских сказок» Левшина стали одной из значительных попыток сделать былину литературным жанром, заметным эпизодом в истории этого несостоявшегося жанра в русской литературе.

Ключевые слова: В. А. Левшин, жанр, былина, сказка, рыцарский роман, богатырская повесть, цитата

«Повесть о славном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче» — первая повесть сборника В. А. Левшина «Русские сказки» (1780–1783). Она включает в себя две

вставные повести и два рассказа: «Повесть о Тугарине Змеевиче», «Повесть Добрыни Никитича», рассказ печенежского князя и рассказ Таропа. Сюжет повести воспроизводит типические мотивы, известные по былинае «Алеша Попович и Тугарин Змеевич»: описание княжеского пира, появление Тугарина Змеевича и его угроза князю Владимиру, отсутствие защитника среди киевских богатырей, появление неизвестного богатыря (Добрыни), победа над Тугарином, служба у князя Владимира и одоление врагов русского государства. Вместе с тем следует отметить, что автор, вероятно, был знаком с вариантом былины, в котором Добрыня Никитич одерживает верх над Тугарином.

Вставная «Повесть о Тугарине Змеевиче» содержит воспоминание Милолики о родителях Богорисе и Куридане, попытке похищения последней Сарагуром, предсказание Добрады о его гибели, рождении Тугарина и не рожденном матерью богатыре-победителе Змея. «Повесть Добрыни Никитича», кроме рассказа Добрыни о происхождении, детстве и воспитании его Добрадой, включает сообщение о первых подвигах героя: освобождение царицы Карсены и жителей зачарованного города, печенежского князя от козней Сарагура, спасение Таропа из заточения, а также пересказ историй богатырей Агрикана и Еруслана Лазаревича, истории Тревелия.

В. А. Левшин создал произведение с оригинальным сюжетом и сложной композицией [Морозова: 488–489], [Корепова: 5–18], в котором реализована авторская установка на синтез фольклорной и литературной традиций. В повести писатель демонстрирует своеобразное, уже «литературное» отношение к фольклору. Как отмечает Л. А. Курышева, «узлы эпической схемы сопровождаются в повести Левшина ритмизированной прозой. В описании пира, гласа рога, возвещающего приезд чужака, кручины князя Владимира и страха бояр, посольства к шатру иноземного богатыря, речи вещего коня, речи послов и ответа Тугарина Левшин подражает слогу былины» [Курышева: 55–56]. Это наблюдение верно, но требует уточнения: писатель, искусно владеющий народной поэтической речью, не просто «подражает слогу былины» ритмизированной прозой, он оформляет «слог» как цитирование другого текста.

Так, описывая красоту княгини Милолики, автор заключает в кавычки былевые формулы:

«...ибо имела она “Очи соколы, брови собопы, походку павлиную, грудь лебединую, и прочая — довольно, что не было ее краше во всю землю Рускую, во всю колесницу поднебесную”»¹.

Эпическая формульность в повести типична и узнаваема. Сравним, например, описание героини, будущей княгини Афросиньи, в былине «О женитьбе князя Владимира» из сборника Кирши Данилова:

«Черныя брови как бы собопы,
Ясныя очи как у сокола,
Посылай ты, сударь, Дуная свататься!»²

Цитирование как поэтический прием является сознательной творческой установкой автора, который таким образом показывает бережное отношение к былинному тексту. Он был не только собирателем и публикатором фольклора, он жил народной поэзией.

Былина была для него не просто текстом, но прежде всего песней. В авторском примечании Левшин приводит не только текст, но и нотную запись былинного напева:

Илл. 1. Фрагмент стр. 139 из издания
«Русских сказок» 1780 г.

В том же примечании Левшин подчеркивает, что, цитируя, воспроизводит текст былины по памяти:

«Къ крайнему моему сожалѣнію, въ пожарный случай, погубило у меня собраніе древнихъ богатырскихъ пѣсенъ, между коими и о семъ подвигѣ Добрыни Никитича. Голосъ оныя, и отрывки словъ остались еще въ моей памяти, кои и прилагаю здѣсь.

Пѣсня.

Изъ далеча, изъ далеча во чистомъ полѣ,
Какъ далѣе того на украинѣ.
Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучъ Богатырь Добрыня.
А Добрыня вѣдь то, братцы, Никитьевичъ.
И съ нимъ вѣдь ѣдетъ, Таропъ слуга.

(Послѣ сего описывается прїѣздъ его къ Князю Владиміру, сраженіе съ Тугариномъ; но подробно словъ пѣсни я не помню.)

У Тугарина собаки крылья бумажные;
и летаетъ онъ собака по поднебесью.

(конецъ)

Упалъ онъ собака на сыру землю;
А Добрыня ему голову свернулъ,
Голову свернулъ, на копье взоткнулъ» (138–140)³.

Описание княжеского пира также оформлено как цитирование автором другого текста:

«Съдѣящу Владиміру со своею Княгинею Милоликою, со своими боярами, во своихъ теремахъ златоверхіихъ, за столами дубовыми, за скатертьми браными, за яствами сахарными» (14–15).

Ритмизированная проза Левшина воспроизводит стилевые особенности былинной поэтики:

«Великій Князь прикручинился, сложилъ свои руки ко бѣлымъ грудямъ, и думаль крѣпку думушку. Отъ сего бояре пріунули всѣ, буйны головы повѣсили. Одинъ лишь Святорадъ, Воевода Кіевскій, не унывъ сидѣлъ; онъ встаетъ, поднимается, изъ за стола дубоваго, не допивъ чары зелена вина, не доѣвъ куска сахарнаго; онъ подходитъ къ Князю Владиміру; приклоняетъ чело до полу, и говоритъ бодрымъ голосомъ: Ты гой еси нашъ батюшка, Владиміръ Князь, Кіевское Солнышко Всеславьевичъ! не прикажи казнить, рубить, прикажи слово вымолвити. Отъ чего ты Государь прикручинился? О чѣмъ ты такъ запечалился? Будетъ и пришла Чудь поганая, подѣ твой славный Кіевъ градъ, развѣ

нѣтъ у тебя рати сильныя? Прикажи, Государь, послать опровѣдати, кто смѣетъ наступать на землю Рускую?» (15–16).

Левшин стилизует повествование под былинный слог, используя типические формулы, эпитеты, инверсию.

Еще один эпизод цитирования, заключенный автором в кавычки, который оформлен ритмически как поэтический текст, — приезд Добрыни на княжеский двор:

«Они <придворные> услышали “что широки ворота заскрипѣли. Взъѣжжаетъ на дворъ Витязь смѣлой. Доспѣхи на немъ ратные, позлащенные. Во правой рукѣ держитъ копье булатное; на бедрѣ виситъ сабля острая. Конь подъ нимъ, аки лютый звѣрь; самъ онъ на конѣ что ясенъ соколъ. Онъ на дворъ взъѣжжаетъ не спрашаючи, не обсылаючи. Подъѣжжаетъ къ крыльцу красному, сходитъ съ коня добраго, и отдаетъ коня слугѣ вѣрному. Самъ идетъ въ чертоги златоверхіе, Княженецкіе. Слуга привязываетъ коня среди двора, у столба дубоваго, ко тому ли золоту кольцу, а своего коня къ кольцу серебряну”. По сему придворные заключили, что новопріѣжжій долженствуетъ быть роду непростаго» (65–66).

В анализе былинных формул и метрики «Русских сказок» Левшина М. А. Гистер убедительно показала возможность выделения в ряде фрагментов былинных стихов. Например, появление Добрыни при дворе князя Владимира, которое позволяет представить данный «отрывок как стихотворный текст, в столбик» [Гистер: 130–132].

Важную роль в поэтике повести играют примечания. Так, Левшин поясняет одно из обличий и имен Сарагура, двуглавого крылатого змея Зиланта:

«Зилантъ, на Болгарскомъ языкѣ значить Дракона, или по Славенски Смока. Сей крылатый змій, жилъ близъ города Казани, въ горѣ, коя прозвана по имени его гора Зилантова, и нынѣ стоящій на оной монастырь имянуется Зилантовъ. По днесь еще показываютъ пещеру, гдѣ жило сіе чудовище, коего изображеніе осталось въ гербѣ Казанскаго царства; и память о немъ вкоренена во всѣхъ тамошнихъ жителей» (29).

Сопровождая свой текст примечаниями, Левшин выступает как исследователь, фольклорист и этнограф. Автор

поясняет то, что может быть незнакомо читателю, например, «первую примѣту богатырскаго коня» (17), признаки «богатырскихъ костей» непогребенных воинов (103), раскрывает смысл слова «тризна» (107), выражений «грозенъ посоль» (18), «золотая гривна» (126), дает толкование имен таких героев и мифологических образов, как Зилант (29), Чернобог (54), Полкан (86), Зимцерла (128) и т. д. Писатель объясняет различные топоры: «южный пупъ» (71), «узры» (82), «высокій курганъ» «верстахъ въ трехъ отъ Оренбурга» (108). Источником сведений о «боговѣщалище Елабугскомъ» автор называет «Записки Путешествій Капитана Рычкова»⁴ (47–48).

В образе чародея Сарагура Левшин смешивает былинную и сказочную традиции. Сарагур, с одной стороны, — человек, убивший родного брата, «узрскаго» царя, изгнанный за это из родных мест, с другой — пожирающий людей, пышащий огнем змей.

Как и сказочный змей, в повести он является похитителем женщин. В. Я. Пропп в народном волшебном сказочном эпосе выделяет четыре типа змея: змей-похититель, змей-охранитель границ (в такой функции выступает водяной змей, живущий у реки), змей-поглотитель, змей, который «является с угрозами, осаждает город и требует себе женщину для супружества или для съедения насильно, в виде дани» [Пропп: 219].

Все это свойственно и левшинскому Сарагуру (Зиланту). Он обитает в горах, его первое появление происходит на реке, после смертельного ранения он скрывается под землю в пропасти на горе. Характеризуя место обитания Сарагура, Левшин наполняет его географической конкретикой: гора, в которой обитает Зилант, находится близ Казани, соответственно река названа Волгой.

Главным конфликтом «Повести о славном князе Владимире...» является борьба добра со злом, характерная для жанра сказки. Зло у Левшина воплощено в образах Сарагура и его порождения — Тугарина. На стороне добра выступает волшебница Добрада, являющаяся покровительницей и защитницей Милолики и ее матери Казарской княжны Куриданы, воспитательница Добрыни. Добрада Левшина — сказочная помощница и дарительница. Она учит Богориса, отца

Милолики, как победить Сарагура, предостерегает его: чтобы уберечь от бед свое государство, он должен быть метким и отрубить Зиланту одним ударом обе головы, так как смертельно раненный чародей может породить Тугарина. Волшебница делится с Богорисом знанием будущего, которое наступит, если во время поединка Сарагур будет ранен. Это знание родители передают Милолике. Согласно предсказанию, «исчезающая въ немъ чародѣйная сила произведетъ яйцо», злые духи высидят его, через десять лет «выйдетъ изъ онаго исполинъ Тугаринъ», с которым «въ силѣ и злобѣ никто изъ смертныхъ не сравнится», из трупа Сарагура «учинятся очарованныя латы» (38–39). Добрада с помощью книги судеб предсказывает «нѣкоему Славенскому Богатырю, нерожденному матерью» (40) победу над Тугарином при помощи магического меча Египетского царя Сезостриса (37).

Добрыня рожден от мертвой матери и воспитан волшебницей, благодаря которой он получает свое имя. В. В. Сиповский считал, что мотив рождения от умершей матери Левшин заимствовал из греческой мифологии. Исследователь предлагает сравнить его с мифом «о Хризаоре, вышедшем из тела Медузы, убитой Персеем» [Сиповский: 229]. Однако мотив рождения от мертвой матери встречается и в былинном эпосе. Например, в уже упомянутом выше варианте былины «О женитьбе князя Владимира» Дунай подбегает к телу убитой им жены, вспарывает ей груди (живот): «Выскочил из утробы удал молодец...»⁵. Кроме того этот мотив может иметь и литературный источник: «Это несомненная аллюзия на трагедию Шекспира “Макбет” — там Макбета по тому же принципу убивает Макдуф. Использование мотивов трагедии Шекспира в сказке Левшина вполне в духе притязаний автора на интеллектуальную, а не только развлекательную, ценность его сборника» [Гистер: 126]. К сказанному необходимо добавить интерес Левшина к шекспировскому театру, что отметил М. П. Алексеев [Алексеев: 58–59].

Как и в былине, основная черта Добрыни Левшина — его «вежество», образованность. Речь и поведение богатыря поражают князя Владимира, который удивлен его «смѣлости, вѣжливости, дородству и красотѣ» (68). Добрыня Левшина

знает 72 языка, обучен наукам и военному делу. Как считает Л. А. Курышева, «в Добрыне Никитиче соединены черты богатыря (получение силы через купание в росах) и рыцаря (воинское воспитание)» [Курышева: 59]. Как и эпический богатырь, левшинский Добрыня желает служить князю Владимиру, но его поведение переосмыслено в рыцарском ключе: богатырь, как рыцарь, преклоняет колено перед князем (126), «подаетъ поводъ къ учрежденію ордена богатырскаго» (74). Его правилами становятся заповеди, с которыми знакомит его Добрада:

«Никогда не отступай отъ добродѣтели; ибо уклоняясь отъ оныя, утратишь ты милость боговъ, покой души своей, и учинишься неспособенъ къ великимъ подвигамъ. Во вторыхъ не меньше перваго наблюдай: видя слабаго насильствуема сильнѣйшимъ, не пропускай защищати; понеже непомогающій ближнему не можетъ ожидать и самъ помощи отъ боговъ. Наконецъ третіе, какъ получилъ ты благодѣянія отъ меня женщины, покровительствуй всегда нѣжный полъ въ гоненіяхъ и напастяхъ; для того что тѣмъ умягчится твой нравъ, легко могущій ниспастъ въ звѣрство» (73).

По совету Добрады богатырь отправляется в странствие на поиски предназначенного ему оружия. Мотив добывания Добрыней меча связан, как пишет В. В. Сиповский, «с волшебными-рыцарскими поэмами» [Сиповский: 223]. Добрада одаривает Добрыню волшебным кольцом, при помощи которого он всегда сможет вызывать богатырского коня. К. Е. Корепова отмечает, что «вся повесть в целом проникнута сказочной фантастикой: здесь фантастические персонажи (исполины, многоглавые змеи, крылатые кони, мертвая голова, полканы и т. п.), чудесные предметы (лодка Добрады, меч Добрыни, копьё, непробиваемые латы), чудесные превращения и т. п.» [Корепова. Комментарии: 386].

Перед обретением меча Сезострисова Добрыня должен выдержать ряд испытаний, подготовиться к главному поединку, доказать, что он змееборец. Первое испытание богатырь проходит в зачарованном городе, все жители которого обращены Сарагуром в статуи. Добрыня побеждает «девятиглавное чудовище, имѣющее львиные ноги; Исполинскій ростъ, и хвостъ

змѣиный» (81), отправляется в подземное царство, сражается с войском полканов и исполином. Смерть исполина разрушает чары Сарагура, расколдовывает город, соединяет влюбленных Карсену и Куруса. В. В. Сиповский отмечает, что окаменелый город и путешествие героев в подземное царство можно отнести к традиции русских сказок и былинного эпоса [Сиповский: 227].

Второе испытание богатыря — этическое. Наехав в поле на «лѣжащую богатырскую голову отмѣнной величины», Добрыня проявляет сочувствие и погребает «кость богатырскую» (103). Он вознагражден за труд: получает волшебный ключ, благодаря которому обретает оружие («копье Нимродово») и верного помощника Таропа. По наблюдению В. В. Сиповского, источником, из которого Левшин заимствует «копье Немрода (библейский “охотник пред Господом”, копье которого не знало промаха)», является библейская мифология [Сиповский: 229]. Также исследователями отмечалось, что «имя слуги-паробка Алеши Поповича — Тороп» упоминается в летописных сводах «как имя слуги богатыря Александра Поповича. В XVIII веке это имя, видимо, получает в эпосе более широкое применение для обозначения слуги богатыря» [Астахова, Митрофанова: 17]. В рассказе Таропа появляются еще два героя. Первый, прежний хозяин Таропа, — Агрикан, известный по поэме Боярдо «Влюбленный Роланд», второй — Еруслан Лазаревич — герой популярной переводной повести. Интертекстуальные связи повести Левшина с этими произведениями полно описаны в современных исследованиях (см., напр.: [Корепова], [Курышева] и др.).

Третье испытание Добрыня проходит в Болгарском государстве, где он находит меч Сезострисов, преклонив колени, принимает его как дар богов, надеясь совершить «множество славныхъ подвиговъ» и быть «истиннымъ защитникомъ гонимыхъ и добродѣтели» (120). На службе у Тревелия Добрыня совершает еще один подвиг — освобождает Болгарское царство от полкана.

Приехав в Киев, Добрыня поступает на службу к князю Владимиру. С этого момента, по мнению Л. А. Курышевой, «сюжет вливается в былинное русло — следуют приготовления к бою и сам бой», поединок описан «в рамках высокого

литературного жанра лироэпической поэмы» [Курышева: 67]. Свое суждение исследовательница подтверждает сопоставлением повести Левшина и поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» [Курышева: 67–68].

Добрыня побеждает Тугарина с помощью Таропа, который поразил крылья Тугарина свинцовой стрелой, окрапленной водами Буга. Победа Добрыни приводит к освобождению пленников.

В завершение Левшин перечисляет и воспеваает подвиги Добрыни, воздает почести Таропу. Слава богатырей, по мнению автора, заслуживает вечной памяти, что подчеркивает христианское значение их подвигов:

«Естьли слава сильному, храброму и добродѣтельному Богатырю сему возглашаетъ хвалу и въ нашихъ временахъ позднѣйшихъ: по истиннѣ сотрудникъ его Таропъ не меньше заслуживаетъ вѣчную память» (147).

Левшин создал произведение со сложной литературной композицией, в котором смешиваются традиции разных фольклорных и литературных жанров. Он насыщает свое повествование мотивами и образами былин, богатырских повестей, русских и зарубежных сказок, волшебных-рыцарских романов, произведений мировой литературы. В предваряющих сборник «Известиях» Левшин ссылается на иностранные литературные образцы, которым он следует, призывает читателей продолжить его работу:

«...издаю сии сказки Рускія, съ намѣреніемъ сохранить сего рода наши древности, и поощрить людей имѣющихъ время, собрать всѣ оныхъ множество, чтобъ составить Вивліюэику Рускихъ Романовъ» (4).

Основной формой презентации фольклорной былины «Повести о славном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче» является цитирование. Приводя строки из былинных текстов и следуя былинной поэтике, Левшин развил в литературном произведении творческий потенциал фольклорного жанра. Его «Русские сказки» стали одной из значительных

попыток сделать былину литературным жанром. Позже эта попытка была продолжена в других произведениях русской литературы: в сочинении «Добрыня, театральное представление с музыкой» Г. Р. Державина (1804), в романе «Кощей бессмертный. Былина старого времени» А. Ф. Вельтмана (1833), в «Илье Муромце. Сказке Руси богатырской» В. И. Даля (1836). В этих произведениях богатыри совершают подвиги во славу князя Владимира и русского государства, защищают народ от врагов, их авторы воссоздают и сочиняют национально-исторические и поэтические мифы, пророчат великое будущее России. Однако происходили трансформации былины в другие литературные жанры вместо появления нового. Оригинальное понимание былины как литературного жанра, способного выразить смысл русской истории, русский взгляд на жизнь, русскую идею, рассказывать о ключевых эпизодах русской и мировой истории, в которых обновлялось христианство, проявлялась русская будущность, дал Ф. М. Достоевский. Но писатель лишь представил свою концепцию [Захарова].

«Повесть о славном князе Владимире Киевском Солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче» В. А. Левшина была значимым эпизодом в истории несостоявшегося жанра в русской литературе.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Фольклорные и литературные трансформации жанра былины в русской словесности XVIII–IX вв.» № 15-04-00366 а.

¹ Повѣсть о славномъ Князѣ Владимирѣ Киевскомъ Солнушкѣ Всеславьевичѣ, и о сильномъ его могучемъ Богатырѣ Добрынь Никитичѣ // Рускіе сказки, содержащія Древнѣйшія Повѣствованія о славныхъ Богатыряхъ, Сказки народныя, и прочія оставшіяся чрезъ пересказываніе въ памяти Приключенія. М., 1780. Книга 1. С. 13. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

² Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.: Наука, 1977. С. 55. (Литературные памятники)

³ Ю. М. Смирнов называет цитирование Левшиным отрывка из былины перенесением — «случаем, когда традиционный персонаж подменяется

другим», зафиксированным без указания места его записи [Смирнов: 7, 88].

- ⁴ Имеется в виду изданный в двух частях Императорской Академией наук «Журналъ или дневныя записки путешествія Капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, 1769 и 1770 году» (СПб., 1770, 1772).
- ⁵ Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. С. 78.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Первое знакомство с Шекспиром в России // Шекспир и русская культура. — М.; Л.: Наука, 1965. — С. 9–69.
2. Астахова А. М., Митрофанова В. В. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII–XVIII веков // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 7–75.
3. Гистер М. А. Сказитель-просветитель: былинная традиция в «Русских сказках» В. А. Левшина // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2009. — № 9. — С. 122–137.
4. Захарова О. В. Концепция былины у Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. — Вып. 13: Актуальные аспекты. — С. 271–286 [Электронный ресурс]. URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449751179.pdf (08.11.2017).
5. Корепова К. Е. «Русские сказки» В. А. Левшина // Левшин В. А. Русские сказки: в 2 кн. — СПб.: Тропа Троянова, 2008. — Кн. 1. — С. 5–18.
6. Корепова К. Е. Комментарий // Левшин В. А. Русские сказки: в 2 кн. — СПб.: Тропа Троянова, 2008. — Кн. 2. — С. 383–398.
7. Курьшева Л. А. Повести о богатырях в «Русских сказках» В. А. Левшина: сказочно-историческая модель повествования. — Новосибирск: Наука, 2009. — 152 с.
8. Морозова Е. А. «Дайте русского мне витязя!» (Литературное творчество в «народном духе») // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 472–516.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. — 366 с.
10. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа: исследование. — СПб., 1910. — Т. 1. — Вып. 2. XVIII век. — 951 с.
11. Смирнов Ю. И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. — М.: ИМЛИ РАН, 2010. — 280 с.

Дата поступления в редакцию: 16.01.2018

Дата публикации: 31.03.2018

Olga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

ovzakh05@yandex.ru

THE PROBLEM OF GENRE IN “THE TALE ABOUT GLORIOUS PRINCE VLADIMIR AND DOBRYNYA NIKITICH”

V. A. LEVSHIN

Acknowledgements: The article was written with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), grant no. 15-04-00366a “Folkloric and Literary Transformations of the Genre of Bylina in the Russian Literature of the 18th–19th Centuries”.

Abstract. The article analyzes the genre structure of the novel V. A. Levshin of the glorious Prince Vladimir and Russian epic hero Dobrynya Nikitich. The writer created a work of complex literary composition in which are blended the different traditions of folklore and literary genres: epics, fables, magical tales of chivalry and heroic story. The author finds a high degree of understanding and interpretation of the epic tradition. It saves in a literary narrative poetics of the folk genre, formalnosti speech topic. In his story are the heroes, the events follow the logic of the epic story, the epic becomes the dominant genre of the novel. Like the epic hero Dobrynya Levshina performs his heroic feats: freeing from the spell of the enchanted Kingdom, unites Nations, fights with giants and Polkan wins Tugarin Slavic. V. A. Levshin showed himself an experienced collector and publisher who cared about the epic text. The main form of presentation of folk epics is getting citations, which are issued quotes. Quoting and following the epic poetics, Levshin developed in a literary work the creative potential of the folk genre. This had its consequences: the heroic story of the “Russian fairy tales” Levshina become one of the most significant attempts to make the epic literary genre, a notable episode in the history of this failed genre in Russian literature.

Keywords: V. A. Levshin, genre, bylina (Russian epic songs), fairy tale, romance, heroic story, quote

References

1. Alekseev M. P. First acquaintance with Shakespeare in Russia. In: *Shekspir i russkaya kul'tura [Shakespeare and Russian Culture]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 831 p. (In Russ.)
2. Astakhova A. M., Mitrofanova V. V. Bylinas and Their Retellings in Manuscripts and Editions of the 17th–18th Centuries. In: *Byliny v zapisyakh i pereskazakh XVII–XVIII vekov [Bylinas in the Records and Retellings of the 17th–18th Centuries]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1960, pp. 7–75. (In Russ.)

3. Gister M. A. Storyteller-Educator: The Epic Tradition in “Russian Fairy Tales” by V. A. Levshin. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [Bulletin of Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural studies. Middle Eastern Studies]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2009, no. 9, pp. 122–137. (In Russ.)
4. Zakharova O. V. Dostoevsky's Conception of the Bylina. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, vol. 13: Current Aspects, pp. 271–286. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1449751179.pdf (accessed on November 08, 2017). (In Russ.)
5. Korepova K. E. “Russian Fairy Tales” by V. A. Levshin. In: *Levshin V. A. Russkie skazki: v 2 knigakh* [Levshin V. A. Russian Fairy Tales: in 2 Books]. Saint-Petersburg, Tropa Troyanova Publ., 2008, book 1, pp. 5–18. (In Russ.)
6. Korepova K. E. Comment. In: *Levshin V. A. Russkie skazki: v 2 knigakh* [Russian Fairy Tales: in 2 Books]. Saint-Petersburg, Tropa Troyanova Publ., 2008, book 2, pp. 383–398. (In Russ.)
7. Kuryшева L. A. *Povesti o bogatyryakh v «Russkikh skazkakh» V. A. Levshina: skazochno-istoricheskaya model' povestvovaniya* [The Tales of the Epic Heroes in “Russian Fairy Tales” by V. A. Levshin: The Fairy and Historical Model of the Narrative]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2009. 152 p. (In Russ.)
8. Morozova E. A. “Give Me the Russian Knight!” (Literary Work in the «People's Spirit»). In: *Russkaya literatura kak forma natsional'nogo samosoznaniya. XVIII vek* [Russian Literature as a Form of National Consciousness. 18th Century]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2005, pp. 472–516. (In Russ.)
9. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki i* [The Historical Roots of the Magic Tale]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 366 p. (In Russ.)
10. Sipovskiy V. V. *Ocherki iz istorii russkogo romana: issledovanie* [Essays on the History of the Russian Novel]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg Printing and Publishing Partnerships “Trud”, 1910, vol. 1, issue 2: 18th Century. 951 p. (In Russ.)
11. Smirnov Yu. I. *Byliny. Ukazatel' proizvedeniy v ikh variantakh, versiyakh i kontaminatsiyakh* [Bylinas. Index of Products in Their Variants, Versions and Contamination]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010. 280 p. (In Russ.)

Received: January 16, 2018

Date of publication: March 31, 2018